
УДК 323.396(71)

Бакулина А.А.

**К вопросу о государственном регулировании
положения российских эмигрантов в Маньчжурии
(1918 – 1945 гг.)**

**To the question about government's regulations of the position
of russian emigrants in Manchuria (1918 – 1945)**

Работа посвящена анализу эволюции политико-правового статуса российских эмигрантов в Маньчжурии в период 1918-1945 годов. Выявляются причины и факторы, которые обусловили изменения в государственном регулировании положения россиян в указанном регионе, характеризуется социально-сословный состав эмигрантов и их позиция по отношению к указанным изменениям.

Ключевые слова: *российская эмиграция, Маньчжурия, политико-правовой статус*

The work is devoted to the analysis of evolutions of the politician-legal status of russian emigrants in Manichzhurii in the period of 1918-1945, reasons and factors which have conditioned the changes to the government's regulations of the position of Russian emigration in this region are also observed.

Key words: *russian emigration, Manchuria, political-legal status*

В современных научных исследованиях понятие «эмиграция» включает в себя разные виды перемещения населения: миграции, иммиграции, существенным фактором, определяющим статус которых является международно-правовое и внутреннее государственное регулирование положения эмигрантов в разных странах.

С точки зрения международного права вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования, т.е. до начала Первой мировой войны, и после формирования, т.е. после её завершения [11, с. 64].

Международное и государственное правовое регулирование положения российских эмигрантов в Китае было обусловлено освоением российскими поданными Дальнего Востока Российской империи при отсутствии точной границы между Россией и цинским Китаем, что способствовало появлению с начала XVII в. русских в соседнем Китае. Строи-

тельство Китайско-Восточной железной дороги (1898 – 1903 гг.) стало мощным фактором, способствовавшим заселению Маньчжурии и постепенному формированию российской диаспоры в Северо-Восточном Китае.

Строительство КВЖД повлияло на увеличение потребности в рабочих кадрах, в связи с чем приток россиян постоянно увеличивался. По окончании строительства КВЖД на службе дороги насчитывалось 39071 чел., из них 18123 – русских и 20948 – китайцев [4, с. 64].

Окончание русско-японской войны, гражданская война в России обусловили подъём эмигрантской волны. Вторая волна переселения русских в Китай, более многочисленная, чем первая, была связана с Октябрьской революцией в России, когда беженцы в зоне отчуждения КВЖД стремились найти не только работу, но и привычный русский уклад жизни.

Как вспоминает Иванов Вс.Н., «Я думаю, что Китай, принявший в пору 1920 года большую порцию, тысяч до 200, «беженцев из России», предоставил им такие условия, о которых они могли разве что мечтать... Работали все инженеры, врачи, доктора, профессора, журналисты. Все могли делать что угодно» [7, с.14].

В целом русскоязычное население Маньчжурии в послереволюционный период подразделялось на несколько групп:

- ◆ бывших подданных Российской империи;
- ◆ советских граждан, направленных в Манчжурию на административную работу в учреждениях Советской России;
- ◆ советских подданных из числа старожилов и беженцев, оформивших в местных консульских учреждениях гражданство СССР, чтобы не лишиться экономической базы, которой продолжала оставаться для них КВЖД;
- ◆ эмигрантов-беженцев, оформивших китайское гражданство, отказавшись от советского, что давало равные права и льготы для работы как на КВЖД, так и в системе китайских учреждений;
- ◆ эмигрантов-беженцев, оказавшихся на положении «бесподданных», так называемых «белых русских», которых было немного больше, чем советских подданных. Они являлись апатридами, т.е. лицами без гражданства, поскольку статус граждан Российской империи они утратили, советского и китайского гражданства не приобрели, в связи с чем их правоспособность была ограничена, и они не подлежали дипломатической защите как иностранцы других государств в силу международных договоров.

Помимо различного статуса, ярко была выражена классовая дифференциация: дворяне, помещики, капиталисты и чиновники составляли среди эмигрантов меньшинство, а в большинстве это были люди разных свободных профессий [10, с. 286]. Таскина Е.П. вспоминает: «Она (эмиграция) представляла все слои дореволюционной России со свойственными ей привычками, нравами и иерархическими социальными отношениями. Правда, борьба за существование «отнивелировала» у многих былые претензии» [13, с. 41].

Дифференциация правового положения была связана с отменой в 1920 г. экстерриториальности царской России, которая существовала на данной территории в связи со строительством и последующей эксплуатацией КВЖД, вследствие чего между Советской Россией и Китайской Республикой был заключён ряд соглашений. Экстерриториальность царской России была отменена после взятия административных функций по управлению КВЖД китайскими властями 14 марта 1920 года согласно декрету президента Китайской Республики от 23 сентября 1920 года, который гласил: «Китай ... перестаёт ... признавать российских Послан-

ников и консулов», поскольку «они ... уже утратили свой представительный характер и поистине не имеют оснований продолжать исполнять лежащие на них ответственные обязанности» [9, с. 165].

Вышеуказанный декрет был признан и Советской Россией, правительство которой 27 сентября 1920 года обратилось к Правительству Китайской Республики с официальным заявлением об отказе от прав экстерриториальности и возвращении концессии Китаю «безвозмездно и на вечные времена» [5, с. 213-216]. В 1920-1922 гг. полоса отчуждения КВЖД официально считалась частью ДВР, но фактически хозяином на данной территории являлся милитарист Чжан Цзолин.

Отказ советского правительства от специальных прав и привилегий, в том числе от прав экстерриториальности в районе КВЖД, которая объявлялась коммерческим предприятием, управляемым Китаем и СССР, обусловил изменение политико-правового статуса русских в Маньчжурии. Так, согласно декрету был закрыт русский суд, а вместо него был создан китайский суд для русских, в котором для разрешения юридических споров среди российских поселенцев делались попытки применять китайское законодательство, что нередко приводило к недоумениям. Помимо китайских судов действовала китайская полиция, охрана, административные органы управления КВЖД, китайские органы управления образованием, в связи с чем проводилась китаизация русской школы.

Указанные обстоятельства усиливали нестабильность положения российских эмигрантов, осуществляющих связь со страной своего происхождения опосредованно, путём создания русской школы, сознательной актуализации русских национальных обычаев, издания русскоязычной литературы. Китайские власти ограничивали развитие социокультурных и административных институтов российских эмигрантов.

Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан, утверждённые Советом Министров Китайской Республики 30 октября 1920 года, устанавливали ограничения районов проживания русских эмигрантов. С 31 октября 1920 года полоса отчуждения КВЖД стала именоваться Особым районом Восточных провинций (ОРВП). Президентским декретом от того же числа для ведения там дел русского населения были организованы судебные учреждения, институт иностранных советников, был принят особый порядок гражданского и уголовного судопроизводства. Лишь нотариат там оставался русским, поскольку такой институт в Китае отсутствовал [12, с. 143].

Таким образом, события 20-х годов XX века обусловили изменения в государственном регулировании политико-правового статуса российских эмигрантов в Маньчжурии, ухудшив их положение по сравнению с ранее установленным. Бесподданство русских поселенцев определило отсутствие возможности для защиты ими своих прав и интересов перед китайской администрацией, которая, воспользовавшись возникшей ситуацией, ужесточала требования к российским поселенцам и вводила новые ограничения, что было связано с негативным отношением китайских властей к российской колонизации Маньчжурии и опасением возможности «экспорта» революции из Советской России.

Так, в рассматриваемый период китайскими властями осуществлялись введение новых налогов русским предприятиям, установление поборов и штрафов, введение обязательного института поручительства китайскими гражданами юридических сделок, необоснованное заключение под стражу русских поселенцев и длительное рассмотрение уголовных дел, возбуждённых в отношении эмигрантов, необоснованные обыски на квартирах русских граждан. Как пишет Иванов В.Н., характеризуя ситуацию в данном регионе в указанный период, «... китайский

закон в основе своей очень жесток, – действительно, нарушивший его платит, и платит жестоко ... китайцы всегда брали поборы, – это уж так повелось» [7, с. 14].

Жао Лянлун, характеризуя отношение китайской администрации к российским эмигрантам, отмечает, что «в Харбине местная власть в большинстве случаев отзывчиво относилась к белым, а враждебно – к Советской России и советским эмигрантам»; раскол в связи с событиями в России наблюдался и среди русских поселенцев [10, с. 287], которые, по свидетельству уроженца Маньчжурии Л.И. Чугуевского, «в большинстве своём советскую власть так и не приняли» [14, с. 119].

Несмотря на разногласия среди эмигрантов, их острая необходимость в материальной и правовой поддержке обусловила создание в феврале 1923 года Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), который до 1934 года был единственной в Маньчжурии общеэмигрантской благотворительной организацией, разрешённой китайскими властями. Несмотря на то, что ХКПРБ был определён его создателями как «общественная аполитичная эмигрантская организация», его программные документы носили антисоветский характер. Кроме ХКПРБ заботу об эмигрантах пытались осуществить церковные приходские советы, мужские и женские монастыри, родительские комитеты учебных заведений, общество инвалидов.

Несмотря на деятельность общественных организаций, пытающихся улучшить положение российской диаспоры, отсутствие дипломатических отношений между Китаем и ДВР усиливало неопределённость статуса русских эмигрантов, что усугублялось правовым хаосом. Единственный советский юристконсульт в аппарате юридической службы КВЖД Е.А. Трумп писал в заявлении Далькрайкому ВКП (б): «Здесь одновременно действуют и некоторые дореволюционные российские законы, и очень несистематизированное китайское законодательство, в некоторых случаях – советские законы, всякие правила внутреннего распорядка самой дороги, местные обычаи, ... причём в целом ряде случаев многочисленные отдельные вопросы разрешаются с точки зрения действующих норм международного и конфликтного права, что ещё более запутывает и осложняет» [12, с. 147].

Попытка государственного регулирования положения российских эмигрантов была предпринята подписанием Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31.05.1924, статья XII которого подтвердила отказ советской стороны от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции для своих граждан на китайской территории, и отнесла решение всех вопросов, не связанных с управлением дороги, к прерогативе китайских властей.

Поскольку Китай был политически раздроблён, и Чжан Цзолинь, фактически управляя Маньчжурией, не признавал пекинского центрального правительства, и вышеуказанного соглашения, советская сторона подписала 20.09.1924 с фактическим правителем данного региона Мукденское соглашение, дублирующее соглашение от 31.05.1924. Принятые соглашения определили изменение политико-правового статуса русских эмигрантов, обусловив его ухудшение, связанное с ограничением правоспособности представителей российской диаспоры как аппаратов, изменением подведомственности административных органов и государственных учреждений, осуществляющих функции управления территорией Маньчжурии.

С 1932 г. начинается новый период в истории русской колонии в Маньчжурии, связанный с оккупацией территории четырёх северо-восточных провинций Китая Японией и созданием там марионеточно-

го государства Маньчжоу-го. Е.П. Таскина называет японскую оккупацию Маньчжурии «очередным серьёзным политическим событием» [13, с. 41].

Русская колония вызывала большой интерес у японских оккупационных властей как союзник в борьбе против СССР, однако согласие внутри русской колонии вследствие различного статуса эмигрантов (советские граждане; «бесподданные»; русские эмигранты, принявшие китайское гражданство) и дифференциации их на категории по экономическому и политическому факторам, наличия разногласий между группировками и их лидерами, отсутствовало, несмотря на неоднократные предпринимаемые попытки изменить ситуацию.

Проблема консолидации российской эмиграции для усиления контроля над эмигрантами и объединения усилий антисоветски настроенных группировок была решена японскими оккупационными властями в административном порядке путём создания 28 декабря 1934 года указом правительства Маньчжоу-го Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), в функции которого входило «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учёта эмигрантского населения», [2, с. 105] причём регистрации в БРЭМе подлежали все русские, проживающие в Маньчжурии, независимо от гражданства. Структура Бюро развивалась с течением времени, усложняясь как по вертикали, так и по горизонтали. Во второй половине 30-х гг. XX века отделения и представительства Бюро функционировали во всех городах и других населённых пунктах, где проживали российские эмигранты. [2, с. 105]. Первым председателем БРЭМ был генерал-лейтенант В.В. Рычков, преемником которого стал генерал – лейтенант А.П. Бакшеев, затем – генерал от кавалерии В.А. Кислицын.

В целом же, как отмечал один из самых активных сотрудников Бюро К.В. Родзаевский, БРЭМ было «фактически русским отделом японской военной миссии», [1, с. 308]. Фактически этот орган был орудием в руках японцев, однако с течением времени эмигранты осознали значение этой организации в своей жизни: с появлением БРЭМ как признанного японскими властями русского общеэмигрантского центра они приобрели определённый правовой статус, своеобразное правительство, которое защищало их права и интересы перед властями в рамках, возможных в условиях оккупационного режима. Без санкции Бюро эмигрант не мог устроиться на работу, открыть предприятие. Выходцы из России были лишены свободы передвижения. В Президиум БРЭМ поступали ходатайства о разрешении выехать в другой город к родственникам, на лечение. Лицам с советскими паспортами сразу же отказывали. Окончательное решение по всем вопросам принимала японская военная миссия.

Японские оккупационные власти, используя указанный орган, взяли под контроль не только административные институты, но и военные эмигрантские организации, которых в 1935 году насчитывалось 18 [1, с. 312], и культурные учреждения, созданные русскими ранее. Как отмечает уроженец Маньчжурии, историк Л. Чугуевский «пугало и то, что второй (Культурно-просветительский) отдел Бюро, в ведение которого передавались все эмигрантские учебные заведения, будет способствовать внедрению японской идеологии в сознание российской молодёжи» [14, с. 121]. Все русские учебные заведения находились под контролем БРЭМа, и осуществлялась японизация системы образования Маньчжурии. Так, Положение о национальном образовании и воспитании в рус-

ской школе предполагало кроме изучения предметов о России изучение правовых норм, быта, государственного устройства Маньчжурской империи и Японии, их истории и географии.

С 1939 г. при содействии БРЭМа в Харбине русские поселенцы в принудительном порядке посещали кружки для изучения японского языка, а с марта 1941 г. вся эмигрантская молодёжь была обязана изучать государственный язык Маньчжоу-Ди-Го [6, с. 203]. Большое внимание японцы уделяли молодёжи, которая привлекалась к участию в различных военизированных кружках, спортивных мероприятиях.

Политику Японии в Маньчжурии поддерживали белоэмигранты, которые с её помощью готовились к свержению советской власти в случае возвращения на родину. Такое настроение среди части белоэмигрантов сохранялось до конца Второй мировой войны.

В целом вся политика японского командования и зависимого от него правительства Маньчжоу-го на протяжении 1932 – начала 1935 гг. была подчинена вытеснению СССР с КВЖД. Ярко это стремление проявилось в массовых незаконных арестах советских граждан – служащих дороги для последующего назначения на их должности угодных японцам и местным властям эмигрантов. Затем была прекращена выплата пенсий бывшим работникам КВЖД. В этой ситуации, когда провокации в зоне дороги начинали перерастать в советско-японский конфликт, а КВЖД стала убыточной, для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке советское правительство решило пойти на переговоры с правительством Маньчжоу-го о продаже КВЖД.

Сложные переговоры завершились подписанием «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-го об уступке Маньчжоу-го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» в Токио 23 марта 1935 года, которое очередной раз изменило жизнь КВЖД и статус российских эмигрантов, проживающих в регионе.

Соглашение ущемляло материальные интересы советских служащих КВЖД. Так, пенсионерам железной дороги или лицам, имевшим право на получение пенсии (работавшие более 10 лет на КВЖД), полагалось единовременное пособие, равное сумме, подлежащей ежегодной выплате в качестве пенсии, помноженной на 8,5 – вместо ежегодной пожизненной пенсии. Помимо этого, с 1 января 1937 года маньчжурские власти прекратили вовсе выплаты пенсий бывшим служащим КВЖД [1, с. 292].

В целом права советских служащих указанным Соглашением были ограничены, имущество дороги, созданное за 22 года её практической деятельности, досталось правительству Маньчжоу-го за невысокую сумму. Выкупная сумма за КВЖД на 2/3 состояла из товаров, ассортимент которых был навязан Японией [1, с. 274-275]. Согласно статье III указанного Соглашения все старшие должностные лица администрации КВЖД сразу же освобождались от своих обязанностей. Служащие КВЖД после их увольнения имели право оставаться в Маньчжоу-го в течение 2 месяцев для устройства личных дел. Указанное требование обусловило массовый выезд советских рабочих и служащих дороги, которых заменили японцы и русские эмигранты. Из-за вытеснения русского труда с КВЖД сложился большой контингент безработных.

Однако подписание Соглашения не помогло изменить характер советско-маньчжурских отношений: конфликтные ситуации продолжали периодически возникать, маньчжурские власти массово нарушали права советских железнодорожников, устраивали гонения над ними, в связи с чем советская сторона приняла решение закрыть движение на

участке Гродеково-Пограничная. Маньчжурские власти также препятствовали открытию советской школы и больницы, переданных согласно статье V Соглашения для нужд советской колонии в Харбине, а впоследствии, после их открытия, 1 мая 1938 г. группа японцев и русских эмигрантов учинила погром в советской школе в Харбине [1, с. 290].

С началом «Великой Азиатской войны» жизнь в Маньчжурии осложнилась. Условия повседневной жизни русских поселенцев ухудшились: была ужесточена налоговая политика, увеличены арендные платежи за проживание в муниципальных домовладениях, принят Гражданский кодекс Маньчжоу-Го (1 декабря 1937 г.), контролирующий процесс ценообразования на рынке жилья, что подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев. Усугубилась проблема снабжения продовольствием русского населения. Для идеологической обработки населения была создана организация Кио-Ва-Кай, главным направлением работы которой была антикоммунистическая деятельность. В феврале 1943 г. Кио-Ва-Кай выпустила «Генеральные тезисы» своей деятельности, где поставила перед эмигрантами задачу «стать лояльными подданными Маньчжоу-Ди-Го» [2, с. 107].

Приход Советской Армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало качественно новому периоду в истории эмиграции, основное содержание которого – массовый исход белых русских из Китая. В результате после капитуляции Японии в 1946 г. советских и российских эмигрантов в Харбине насчитывалось только 29522, а лиц без гражданства – 18448 [3, с. 255], что было обусловлено не только массовым выездом русского населения, но и арестами русских харбинцев сотрудниками управления контрразведки СМЕРШ [8, с. 123]. В этот период отъезд русских из Маньчжурии происходил постепенно и завершился только накануне «культурной революции».

Таким образом, КВЖД в качестве объекта международной напряжённости стала причиной того, что статус русских эмигрантов в Китае напрямую зависел от изменения международно-правового статуса дороги: все важнейшие международные соглашения приводили к кардинальным изменениям положения россиян в Маньчжурии. Столкновение разнонаправленных интересов различных политических субъектов, связанное с КВЖД (Франции, Англии, Японии, Советской России, США, политических клик Китая), вызывало усиление напряжённости в регионе, что определяло ухудшение и нестабильность политико-правового статуса русских эмигрантов в рассматриваемый период. Прекращение статуса экстерриториальности русских эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, обусловило кардинальное изменение их политико-правового положения, ограничило их правоспособность как апатридов.

Установление Японией оккупационного режима в Маньчжурии и создание марионеточного государства Маньчжоу-го обусловило изменение государственного регулирования статуса российских эмигрантов, которые находились под контролем японских властей, создавших ряд идеологических организаций, регламентирующих все сферы жизнедеятельности эмигрантов, и принявших нормативные правовые акты, ухудшающие положение российских поселенцев в экономической, политической и социальной сферах. Государственное регулирование положения российских эмигрантов, находящихся в изоляции в культурном отношении, обусловило их социально-политическое бесправие, невозможность конкурировать с китайцами на рынке труда, их использование для разрешения внутрикитайских конфликтов.

В целом, с 1932 по 1945 г. окончательно завершился процесс перехода русских в Маньчжурии на положение «национального меньшинства», начатый в 20-е гг. китайцами, а с 1945 года вследствие вышеука-

занных факторов начинается массовый выезд российских эмигрантов из Китая.

Литература

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). / Н.Е. Аблова. М., 2004. 420 с.
2. Аурилене, Е.Е. Русские в Маньчжурии: политико-правовой аспект (1932 – 1945 гг.) / Е.Е. Аурилене // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998. С. 104-107.
3. Василенко, Н.А. Китайские исследователи о харбинской ветви российской эмиграции / Н.А. Василенко // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 253-256.
4. Василенко, Н.А. Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали / Н.А. Василенко // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 60-75.
5. Документы внешней политики СССР, 1917 – 1944, Т.3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 213-216.
6. Дорофеева, М.А. К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации / М.А. Дорофеева // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизации. Пятое Крушановские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 197-204.
7. Иванов, Вс.И. Харбин 20-е годы // Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
8. Капран, И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е годы XX в.) / И.К. Капран // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 116-124.
9. Куликова, Н.В. О политико-правовом положении русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае (1918 – 1924) / Н.В. Куликова // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск: Из-во Амурского государственного ун-та, 2001. С. 164-168.
10. Лянглун, Ж. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. / Ж. Лянглун // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998. С. 286-289.
11. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция 1917-1939: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58 – 80.
12. Сергиенко, В., Аурилене, Е. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.) / В. Сергиенко, Е. Аурилене // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 142-149.
13. Таскина, Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
14. Чугуевский, Л. 100-летие Харбина / Л. Чугуевский // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116-122.